

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Армянская поэзия



Мисак Мецаренц (Мецатурян) родился в январе (точная дата не установлена) 1886 года в селе Бинкян Харбертского вилайета Западной Армении. Учился в местной школе Месропян. В 1895 году Мецаренц с матерью переехал в город Себастию (Сваз), где посещал частную школу. С 1899 года учился в колледже «Анатолия» в Мерсине. В 1902 году он переехал в Константинополь, где жил его отец, и поступил в известную школу Кедронакан (Центральную). Мецаренц скончался от туберкулеза 22 июня 1908 года в Константинополе.

Еще в школьные годы Мецаренц принимал активное участие в литературной жизни. Стихотворения и статьи начал писать с 1899 года. В 1903 году поэт составил, но не издал небольшой сборник стихотворений под названием «Биения»; с этого же года его произведения стали появляться в константинопольских литературных журналах «Масис», «Цахик» («Цветок»), «Анрагитак» («Энциклопедист») и т. д. В начале 1906 года Мецаренц сдал в печать сборник «Радуга», который вышел в свет весной 1907 года, а осенью того же года был издан второй сборник — «Новые песни». Кроме этого, в периодической печати поэт опубликовал несколько десятков других стихотворений, литературно-критические статьи и художественную прозу.

Произведения Мецаренца вызвали огромный интерес и литературные споры, в которых принимал участие и сам автор.

Основные издания на армянском языке: Поли. собр. соч., Ереван, 1981; на русском языке: Поэзия Армении..., М., 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979; Поэты Армении, Л., 1979.

ИЗ КНИГИ «РАДУГА»

ЯСНАЯ ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Окно открыто нежности твоей.

Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне

И молоком твоей светлейшей страсти,

И влажным волшебством твоих лучей.

Прозрачная и трепетная ночь!

Пусть волны колдовства мне в сердце бьются,

И струи белых снов мне в сердце льются

И мрак тревоги прогоняют прочь.

Пусть торжествует царство немоты.

Мне пить неутолимо дрожь нектара.

А время смертная постигнет кара,

И я паду пред храмом темноты.

И я паду, как падает слеза,—

Самим смиреньем, кротостью самою.

Пока меня заря собой омывает,

Забудут горизонт мои глаза.

О чудо-ночь, прими меня в себя!

Прими, мистическая безмятежность!

Во мне жива молитвенная нежность —

Я поцелуй отдам тебе, любя.

Воспоминаний комната полна

О дикой страсти ветра в час проклятий,

От страха перед яростью объятий

Стенают щели стен, не зная сна^

Ворвись в мое окно, развея грусть,

Заполни келью пламенно собою,
Все щели сутью полони святою,
И я на утренней заре проснусь.
Окно открыто нежности твоей.
Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне
И молоком твоей светлейшей страсти,
И влажным волшебством твоих лучей.
1906

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Ночь сладострастна, ночь моя сладка,
Напоена гашишем и бальзамом.
Иду я в опьянение лучезарном.
Ночь сладострастна, ночь моя сладка...
Мне море с ветром дарит поцелуй.
А свет вокруг меня цветет весенний.
О, праздник ночи, сердца Воскресенье!
Мне море с ветром дарит поцелуй.
Но свет в душе тихонько меркнуть стал,
Пускай уста еще хотят лобзанья.
Свет, лик луны и ночи ликование..
Но свет в душе тихонько меркнуть стал.
1906

ИСКРЫ

Всю ночь оркестр моей души
Исполнен ликования.

Литаврам радостным сродни

Мои воспоминанья.

От соколиных глаз твоих,

С бамбирной песней схожих,

Вновь пламя жаркое в душе

Пылает и тревожит.

И, опьяненный неземным

Нектаром поцелуя,

Царевны образ там кружит,

Неистово танцуя.

О, предрассветная пора,

Продли свои мгновенья

И взглядом огненным твоим

Даруй душе забвенье.

1905

ТРЕПЕТ

Рои пурпуровых бликов

Жалят ночную вуаль.

С моря уходит печаль

В отблесках лунного лика.

Чары неверно и зыбко

Прячутся под синеву.

Душу мою наяву

Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,

Воспоминанья любви

Быстро восходят в крови,

Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это

В радужной млеет тиши.

Лягут в потемках души

Теплые борозды света.

1903

НОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Любви мелодия слышна —

Иль то поток рокошет?

Вот лес одела тишина —

Пора счастливой ночи.

Восточный ясен небосвод,

Украшенный сапфиром...

И аромат цветов плывет

Над услаженным миром.. f

Великолепна рощи сень..,

За ветками, за пнями

Озарена ночная тень

Летающими огнями.

Парит листвы незримый дух,

Сквозь тишину процежен,

И шелест, радующий слух,

Так сладостен и нежен.. ,

Смотрю: тропинки, как ручьи,

В густой листве мелькают,

А грезы чистые мои

Как листья опадают...

Душа, каков страданий срок,

Удел мой неизменный:

Искать увянувший листок

Надежды сокровенной?

Иль, потемнев, увидишь ты

Любимой увяданье?

Не рви красу моей мечты

И розу обожанья!

1904

МИНУТЫ МЕЧТАНИЙ

В комнате, полной ночной темноты —

Волнообразной,

Глубокой, безбрежной, —

Гаснут лучи серебристой мечты,

Мысли проходят блуждающей тенью

В поисках феи небесной и нежной —

Мне обещавшей цветок утешенья...

В поисках я...

Ожидает душа,

Изнурена беспокойным желаньем,

На горизонте, совсем еще раннем,

Отблеск далекой мечты заглуша

Вечным сомненьем своим, колебаньем...

И одевается тихо мечта

Скукой торжественной,

Грустной и странной,

Скрыта душа оболочкой туманной,
Горькая в сердце тоска разлита...
Странница-мысль, потерявшая путь,
Так торопливо, безрадостно бродит —
Ни на свету, ни во тьме не находит
Верных дорог... А куда ей свернуть?
Ах, убегают,
Спешат огоньки,
В панике свет отступает дорожный...
Мысли заблудшей уже не помочь:
Луч замерцает последний, тревожный,
Там, где дрожали сейчас светляки, —
Сплошь величавая высится ночь...
В поисках я...
На балконе стою.
Где вы, глаза, что печальной усладой
И аметистовой чистой лампадой
Душу во тьме осветите мою?
Я на балконе стою, утомлен...
Плещется ночи бездонное море
В берег мечты...
Я хочу, чтобы он
Лентой огней засверкал на просторе,
Чтобы они озаряли в тиши
Эти глубокие ночи души...
1905

ПОД СЕНЬЮ АКАЦИЙ

Живые лепестки срывает ветерок,
Наполненный благоуханьем сада.
И к душам греза подступает и услада.
А вечер перламутров и высок.
Акации, испив жары глоток,
Качаются, дыша легко и чисто,
Снежат цветами белыми душисто,
И ветер лепестки захватывает впрок.
А свет акаций мягок и глубок.
Серебряные пряди никнут странно
К волшебной плоти звонкого фонтана.
То капает вода: цветок, еще цветок.
Она, как слезка детская, прозрачна,
А музыка ее стройна.
Живые лепестки срывает ветерок...
1905

НА РАССВЕТЕ

В горах, в монастыре песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян ветер над рекой, и кружится, и скачет;
На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.
Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж деревьев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!
1905

МЕЧТАНИЕ У РЕКИ

Деревня дремлет в лоне скал, над ней закат плывет;
Полдневный отдых рад вдыхать всю сладость ветерка,
Который трепетную рябь рассыпал ширью вод, —
Льнет с поцелуем к берегам игривая река.
Из глубины прибрежных рощ в полдневные часы
Ко мне доносится, пьянит волшебный аромат
Забытых, брошенных цветов невиданной красоты,
Чья испаряется душа среди лесных громад...
А изумрудные стволы — там каждый одинок —
Мне запах мускуса несут, улыбок алый цвет,
И голоса меня зовут, дремотой мозг одет...
Туман пленительных миров и сладок, и далек,
Уже меня в блаженный край их переносит зов,
И я пьянею от мечты, испив нектар ветров.
1906

УСТАЛЫЙ ВЕЧЕР

Как быстро к полной темноте усталый вечер клонит лик,

И наслаждается душа дурманным запахом цветов,
И отзвук песни всё сильней душе встревоженной готов
Волнение новое внушить в какой-то миг.
Брожу я, в дрему погружен, как будто в зыбком полусне,
И посохов немолчный стук летит, тревожа, со двора,
Пахнула свежим ветерком в окно вечерняя пора
И посылает поцелуй прощальный мне.
По темной комнате хожу, лелея хрупкую мечту,
И вот горячечным огнем сухие губы сожжены.
Ах, тишина, и тени те, что всё идут из тишины...
Глаза прикрыв, гляжу с тоскою в темноту.
Бездушны вещи, не найти у них ответа на вопрос,
И распадаются совсем все образы моей мечты...
Как я мечтал, как я любил, представить не сумеешь ты,
Разбиты грезы, что тебе в душе я нес...

1904

МЕЧТАТЕЛЬНАЯ БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Так безмятежна и нежна мечта сверкающих ночей...
Порою жалобами жаб разбита святость тишины.
Устав от муки и страстей в печали пламенной своей
Недвижно светлые глаза в ночной залив погружены...
Алмазный, блещущий фонтан извергнет над землей
рассвет,
Дрожащих струн далекий плач услышу в зыбкой темноте.
Но от ночных желанных искр неизгладим незримый след,
Свою лампаду погашу, предамся дреме и мечте.

Вновь пламенные взмахи крыл, вновь пламенные взгляды
глаз,
Нагие гурии летят, и вся их прелесть напоказ...
Шептать им нежные слова я всем соблазнам предпочту.
Сирень тяжелая грузна, и в грусти от нее стена,
И рдяных маков на полях желанья высохли сполна.
Я жадно пью ночной дурман, обман, гашиш, мою мечту.
1905

ПЕСНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

В израненном сердце и горечь, и боль,
Их солнечным светом никак не унять,
Они всё вокруг заслоняют собой,
И к ночи они вырастают опять.
Далекой надежды угасли огни,
Как пламя костров среди темных ночей,
Но чудно волнуют виденья одни
Из прожитых лет и промчавшихся дней.
Но буду я жить! Горе силы вдохнет,
В душе моей рана любви заживет,
Воскресну я до угасания дня.
Впиваются тернии в рану мою,
И ветры печали, стеная, поют,
Надежда любви озаряет меня.
1904

ТРЕВОГИ

Подобно ведьме с грустным ликом в час ночной
Любовь, что боль несет, ударила мне в грудь,
И от желаний раскаленных не вздохнуть,
Душа ласкает ненавидимое мной.
И постепенно угасают все огни,
Я так люблю слепую муку темноты.
Мне горе душу пепелит до пустоты,
И боль остра и черной сладости сродни.
И не нащупать в темноте мою мечту,
И отрекаюсь я от поисков любви;
Печальной молнии полны глаза мои,
Глубокий стон из сердца рвется в пустоту.
1905

ПРИСТУПЫ ЗНОЯ

Подобно облаку, с реки восходит к небу белый пар;
Дрожат лазурные цвета, дорога вьется, далека;
Внезапен солнечный удар — везут крестьяне старика,
И всё безжалостно вокруг сжигает солнца гневный шар.
На горных тропах караван — верблюдов серая семья,
У них душа погружена в палящий зной и духоту...
Поникли розы — не смогли осуществить свою мечту,
От боли плачет алый куст без ветерка и соловья.
И от полуденной жары пылают пламенем поля;
Кругом томление цветов, они бессильные стоят,
И, одурманивая мозг, струится душный аромат;
Лес одинок, ни трели в нем, в глубоких трещинах

земля...

Еще спокойна и светла, беспечно греется скала,
Над ней палящая жара, мечтой сияют небеса;
Звеня, из рук у косарей всё чаще падает коса,
Густая, знойная пора на все окрестности легла...
Сомлевший мир лениво ждет: придет вечерний ветерок,
И станет легче голове, и остывать начнет простор...
А змеям, любящим жару, пора, блестя, спускаться
с гор —
Хоть их и душит, и пьянит сей огнедышащий поток.
В полях деревья там и тут в дремотный сон погружены;
Под сень их птицы не летят, не сядут люди отдохнуть...
Схож со змеиной чешуей широкий, одинокий путь —
Ни шума крыльев, ни шагов в недвижимом царстве
тишины.
О, померанца акварель... Заката дышит полоса...
Кто на коне, а кто пешком — приходят люди из садов;
Под ними стонет шаткий мост, бессильный — рухнуть
он готов,
Но глуше отблески цветов, и затухают голоса...
Вот ночь нисходит с горных круч, лениво, вяло зной
гоня,
И раскаленные поля уже темнеют за рекой...
Дыханье ночи дарит жизнь, несет здоровье и покой, —
Но лихорадочен и жгуч многоголосый отзвук дня.
(1906)

СУМЕРКИ

Деву заката

пурпурный красит наряд.

Но отчего я один

с грезой печальной своею?

И отчего я теряюсь

в объятьях ее и немею?

А над моей головою

благоухает гранат.

О лучезарный цветок!

Мимо прошла ты легко.

Что-то в душе моей

дрогнуло песней неспетой.

Ты улыбнись,

возвращаясь дорогою этой,

Мне —

света жажду я так глубоко.

Мгла опускается в душу мою,

где давно уже ночь.

И на заре ожиданий

снова тревожат сомненья.

Лишь пригубив

розовый запах забвенья,

Вновь обращаюсь к тебе,

чтобы себя превозмочь.

Стану под ясной луной

или, быть может, впотьмах

Слушать рубиновый пульс
грезы своей напрасной.
Где же улыбка и свет,
жизнью даримые страстной?
Как же мне сбросить тот груз,
что у меня на плечах?
Ты приходи!
Хватит мерзнуть в разлуке мечте.
Так я устал
колесить в одиночку тропой незаметной.
Дождь моросит в мою душу,
и дрожь стала смертной.
Праздно застыла рука
в траурной пустоте.
1906

ПЧЕЛЫ

Мои желания — взлетающие пчелы.
Пронзая золотистую черту
И золотистой пылью морося,
Они взлетели светлым роем
И улетели за предел долины
И, разрывая полумрак тумана,
Вдруг устремились к солнцу целым роем,
А солнце — золотой цветок тумана.
Так изумрудны, солнечны, рубиновы,
Впитавшие в себя все краски и оттенки,
Они взлетели из глухих ущелий,

С полян и ласковых полей пшеничных.
А я, отверженный, стою на берегу.
Мечта меланхоличная моя
Протянута к далеким цветникам,
Где в этот миг расселись беззаботно
Моих желаний золотые пчелы.
Ах, на заре
Мне снова колесить дорогой страха.
Я, переполненный до онеменья чувств
Вином чернейшим ночи,
Опять обязан исходить
Крутые тропы собственной боязни.
И, заискрясь под черепом моим,
Возникнет в пламени святом надежда.
Моих желаний золотые пчелы...
Их возвращенья с нетерпением жду я
После полудня в неурочный час.
Только они в дороге потерялись.
Уже стемнело.
Зря я, видно, жду
Их медоносного — с одышкой — возвращенья,
Я очень утомился, ожидая
Сладчайший мед своих желаний ярких.
И в неурочный этот бред
Я счастлив буду даже получить
Одно отравленное жало
Заблудших пчел моих желаний.

1906

СОЛНЦУ

Юг прохладен и мягок, как поцелуй,
а душа моя жаждет нежных дней,
сладострастный поток сияющих струй, '
о, пролей в мою душу, солнце, пролей,
в горькой мгле сокрыты муки мои,
бродят думы среди лесов и камней.

Солнце, болен я,—
лаской меня согрей...

У окна, ощутив полуденный зной
пламенной вечнозеленой мечты,
я, раскинув руки,
жду встречи с тобой.

В своей огненной сети сожги меня ты.

Обжигают твои поцелуи меня,
и пронзают они мою душу насквозь.

Я пойду по дороге страстей в свете дня.

Солнце! Болен я — трудно мне в жизни пришлось,

А душа моя — птица летает в тоске,
истомившись по смеху, по песне простой.

Из гнезда песня взмыла невдалеке,—
задохнувшись, полет окончила свой.

Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной!

Пока в ясном и сладострастном тепле
вижу я сумасшедший танец шмелей
и пока цветы и кусты на земле

замирают от жажды —
душою своей
ощущаю покой я безоблачных дней,
ощущаю покой,
опьяненный весной...

‘Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной.,,
А колдун влажной ночи меня стережет,
только сумрак падет — он меня уведет.
Так последний уж раз,
так последний уж раз
ты обвей меня, солнце, горячей волной,
исступленной и страстной,
в последний мой час.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной.,*
1906

НОЧЬ ЯСНА

Так беспредельно ночь ясна
От звезд, покрывших небосвод.
И нежных пери хоровод,
Кружась, меня лишает сна.
Их поцелуем и тоской
Багряно плакала душа,
Как плачет лютня, чуть дыша,
Под неуверенной рукой.
Среди прозрачной темноты
Омыть бы душу и сберечь,

Давно потухшие разжечь
Светильники моей мечты.
Тропою светлую своей
Проходит мысль,
Душе приносит сладость вновь
От прежде пройденных путей.
Необычайные цветы
Струят пьянящий аромат,
И где-то голоса звучат,
Баюкая мои мечты.
И отражается в душе,
Как беспредельность зыбких снов,
Таинственность иных миров
В цветном и странном мираже.
Дано мне чувствовать душой,
Как пахнут в тех мирах цветы
И как сверкают с высоты
Своей искрящейся росой.
Впитаю я их странный жар,
Туманный образ грез густых,
Лучи, блеснувшие на них,
Как будто золотой нектар.
Восторга полный, я пройду
По светлым радостным путям,
Паломником я стану там,
В чужом, таинственном саду.
Пройду, прикрыв молчаньем грусть,
По беспредельным небесам,

Лишь охладев к былым страстям,
Опять на землю я вернусь.

1905

ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА

В порывах ветра голоса всё слышней,
И вожделенья, и волненья полны;
Земли вечерней ароматы нежны
На золотом закате гаснущих дней.
Веселья крики, улаждая меня,
В аккорды музыки вплелись, как в венок,
И, подхватив их, вдаль уносит поток,
Обрывком песен сладострастных звеня.
Мотив печальный всё тревожней, слышней,
Всё ощутимей содроганье смычка.,,
Цветок заката, наклонясь слегка,
Без увяданья в этих чарах пьяней.
В набегах ветра пересвисты тоски,
Немолчный шепот всех цветущих полей,
Рукоплескания и шум тополей,
Концерт ревнивый беспокойной реки,
Волны раскатистей восторженный крик,
Он на души моей порфиновый брег
С шипеньем пены устремляет свой бег,
Огней сверканье закрывая на миг.
Но ламп серебряных прорежется свет,
И зарыдают глухо уды опять,
Лазурь мгновений в каплях лунных сиять

Начнет, как дивный поцелуй, как привет,
И перед ними духи падают ниц,
Усладу песен о любви испытав,
Проходят нимфы средь таинственных трав,
И торжествует ликование зарниц.
Счастливой ночи наступает пора
В мерцанье, в отзвуках — и нет им числа.
И ночь, как песня, как баллада, светла,
Цветами, смехом и восторгом пестра.
1906

НА УТРЕННЕМ СОЛНЦЕ

Бессонной ночи фонари
Погасли, обветшала мгла.
И дева утренней зари
Вуаль тумана отвела.
Прошли медлительно возы,
И с песней пахари прошли.
Сбивая капельки росы,
Стада рассеялись вдали.
Лучами нежными рассвет
Стал струи вод перебирать.
И золотой, слепящий свет
Зеркальную раскрасил гладь.
Вбирают язычки огня
Туман, седую суть его.
Так огненно начало дня,

Так ярко солнца торжество!
Душа светла и высока,
Волной в нее вошел шафран
И утреннего ветерка
Густой гашишевый дурман.
Багровых маков озерки,
Пшеницы зыбкие моря
Поют, и песни их легки,
Внимает им душа моя.
И зелень крапчатая нив,
И горы с гордой синевою
Поют молитвенный мотив
Во славу света над землей.
Видна всего со всеми связь,
Рехан, тимьян рванулись в рост,
Душистым ладаном дымясь
В кадилънице рассветных рос.
Душа светла и высока,
Волной в нее вошел шафран
И утреннего ветерка
Густой гашишевый дурман.
1906

ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ ПЕСНИ»
ОТ РОДНИКА
Когда идет от родника,
Спускается с холма,
Луч солнца пальчиком слегка

Касается ее волос.
Когда спускается с холма,
Идет домой от родника
И терракотовый кувшин
Поддерживает рукой,
Тогда колышется слегка
Ее платок от ветерка,
Как птицы радостной крыло.
И с переливами огней
Сверкают радужно глаза
Ее и ярко, и светло.
Когда веселый стук монист
Раздастся звонче и смелей,
Хочу сокровищ всей душой,
Которых нет у ней.
Былинкой страждущей душа
Возжаждет капельку воды,
Чтоб охладить горячий лоб,
Иссохшие уста
С ладони, выкрашенной хной
И окропленной той водой,
Что в терракотовый кувшин
Теперь заключена...
Прозрачным вечером, когда
Она спускается с холма
И терракотовый кувшин
Поддерживает рукой,
Совсем не ведает она,

Что я теряю свой покой,
Листва трепещет у чинар
Моей любовью и тоской.

1906

СНЕЖНОЕ ЛИКОВАНИЕ

Танцует снег под шепот феи за окном,
Страницы белые на крышах расстелив,
Там буквы грез моих в волнении немом
И тот поток, что, душу бедную залив,
Отвесно с гор тоски срывается потом.
Я жажду солнца в лихорадочном чаду,
Мечтою — мысль, а руки — радостью полны,
С надеждой благовеста солнечного жду
И ту, которой будут щедро зажжены
Лампады чувств, что побеждают темноту.
Хочу отпраздновать торжественность снегов,
К голубизне небес припавшую вдали,
Чтобы, в душе благоухая вновь и вновь,
Букетом белым грезы прежние цвели,
Сверкала радуга рассыпанных цветов.

(1907)

298. БЕЗЫМЯННЫЙ ЦВЕТОК

Скажи, как звать тебя, цветок?
Ты спрятал дикий свой глазок
В густой шиповник, в зелень, в тень;
Скажи, как звать тебя, цветок?
Ты бел, ты пахнешь молоком,

И я с тобою незнаком.

Скажи, дрожишь ли ты чуть-чуть

Под налетевшим ветерком?

Скажи, гордец, а как зовут

Ту фею, что мелькнула тут,

Янтарно-черную струю

Оставив, как волнистый жгут?

Ты знаешь, как зовут, цветок,

Дрожь, что приносит ветерок,

И нежной феи, что прошла,

Меня зовущий голосок?

1906

РАССВЕТНОЕ

Как много атласных лоскутьев развесил туман,

Какой златотканый вздымается пар над дорогой!

Свирель под стеной — что за бронзовый голос ей дан!

Петух на стене голосистой вскипает тревогой;

И девушка песню поет про любовный дурман.

За голубем голубь, как шелковый пестрый платок,

Ленивыми взмахами в путь устремляется вяло.

Лепечет родник, и смеется пастуший рожок,

Вода под скользящим лучом веселей засверкала,

И утренний, легкий целует ее ветерок.

Креститесь и радуйтесь: утро взирает на нас

С любовью, и кажется — желтой подсвечено хною.

Хор птиц так волшебнo поет в этот утренний час,

Ребенок танцует, смеясь, под чинарой густою,

И столько цветов, распустившихся как напоказ.

1907

ВЕЧЕР

Мне этим вечером бы стать —

И прикасаться бы ко лбу других людей,

И чаровать потоком меркнущих огней,—

Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —

Быть полным песен, и людей, и вольных птиц,

И трепетанием невидимых частиц,—

Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —

Быть нежным, томным, источая аромат,—

Я златотканою завесой был бы рад

Над душами затрепетать!

Мне этим вечером бы стать —

Быть полным ладана и света, будто храм,

И колокольным звоном рваться к небесам, —

Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать!

Той, умирающей, глядящей на меня,

Как угасающей лампаде, дать огня,—

Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —

Стать полным песен тех, что ветер мне поет,

Рукоплесканьями всех океанских вод, —

Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —

На перламутровой подушке темноты

Раскинуть волосы чудесной красоты,—

Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —

Волшебным, сладостным и тающим во мгле,

Себя бы роздал я всем людям на земле, —

Мне этим вечером бы стать!

1907

ВЕТЕР

Мне быть бы ветром вдалеке от берегов,

Плясать над гулким одиночеством волны,

Шептать бы песенки мне в уши рыбаков —

Их душам милые, что нежностью полны.

Мне быть бы ветром, что в снегах вершит полет,

И замерзающих оплакивать в горах...

Мне быть бы ветром, что на кладбище поет

И о загробных тайны ведает мирах.

Мне быть бы ветром, тучи гонящим зимой,

Вбирать в порывы отдаленных хижин стон;

О сердце путника дробился б голос мой

Волной звенящей... И принес бы к людям он

Зов роженицы сквозь тревожный шум дождя

И горький плач детей голодных. ..И в тиши

Крик юной матери, чье умерло дитя,

Чье пламя лет окутал дым ее души.

(1907)

ХИЖИНА

На той дороге полевой
Или на тропке под горой
Мне стать бы хужиной простой.
Ко мне бы путник поспешал,
Он в дверь мою бы постучал,
Обрел бы ласку и покой.
И здесь, где нет других людей,
Он вечер скоротал со мной
Под теплой крышею моей,
С дымком веселым над трубой.
Я стал бы путников сзывать,
В свои объятья заключать,
.Чтоб за приветы их отдать
Десятки самых добрых дел,
Благословляя свой удел.
Я отдал бы тепло огня,
И злаки вызревших полей,
Вино, и мед, и молоко,
И всё, что было б у меня,
С улыбкой отдал бы легко...
И у трескучего огня
Всю ночь до наступленья дня
Пришелец пел бы для меня.
И если бы, усталый, он
Вдруг задремал, его бы сон

Своей наполнил я мечтой.
А утром бы услышал вновь
Душевность благодарных слов,
И путник зашагал бы вдаль,
А я бы в сердце скрыл печаль.
И в снежной стуже зимних дней
Стоял бы, новых ждал гостей.
И если б путник заглянул,
Ему б я руки протянул,
Приветил щедростью своей
И весь раскрылся перед ним
Гостеприимством и добром.
На той дороге полевой
Или на тропке под горой
Мне стать бы хижинкой простой,
Чтобы всегда на мой порог
Ступить усталый путник мог.

(1907)

ЖЕЛАНЬЕ

Поэту Арташесу Арутюняну
Мечтаю горным быть, широким быть путем,
В цветах карабкаться по склонам в высоту,
Достичь вершины и смотреть с нее кругом —
На горизонт, его атлас, его черту.
И тех поэтов, чья иссушена душа,
Чтоб сохранить ее простор от духоты,

Я вел бы к небу, к необъятности мечты:
Так ширь раздолья под тобою хороша, —
Как на качелях убаюкана душа.
И на вершинах цвета меди, цвета хны,
В садах фруктовых, на лугах в лучах весны
Хотел бы хором я бродячих стать ветров,
Звнящей, трепетною лентой голосов
Ключей глубоких, синеоких и озер,
Чья шепчет рябь, плетя серебряный узор...
Морей и рек хочу я грозным гулом стать,
Вселенским голосом, который бы исторг
Тот безграничный и стремительный восторг,
Что мог бы вновь сердца поэтов оживлять...
В великолепном одиночестве лесов,
На зеленеющих руках больших стволов
Сидеть хотел бы я легчайшей тишиной,
Быть цвета ладана тропой в глуши лесной,
Что так сверкает в темных рубищах теней...
Иль аллилужей стать, звнящую волной
Потока близкого, что мчит среди камней, —
Дарить поэту ритмы музыки моей...
Стать птичьей песнею, что радует с утра, —
В ней звон цимбал, ее ничто не охладит,
Поэтов души пусть она развеселит,
В которых облачная хохлится хандра,
Как та ворона, что на кладбище сидит.
Оттенком, Светом, Формой, Бликом быть бы мне,
Порфирой жизни, полыхающей огнем,

Мечтой души, что жизни жаждет в тишине.
И после грустного дождя туманным днем,
Того дождя, что и стонал и горевал, —
Мне света счастья никогда бы не терять,
Минуты солнечных улыбок и похвал
В душе поэтов одинокой озарять...
(1907)

ЛИСТЬЯ ГОВОРИЛИ
Кропишь ты золотой росой
Цветы у звонких родников,
Тела озер и ручейков
И реки в лоне берегов.
И нас скорей позолоти,
скорее, солнышко, и нас!
Ты золотой бросаешь свет
На склон холма, чтоб стал теплей,
Ласкаешь нежностью своей
Густые волосы полей.
Своею лаской обогрей
скорее, солнышко, и нас!
Коснулось пальчиком слегка —
И сразу сделалось тепло,
И пламя нежное зажгло
Румянцем радостным чело
У женщин, девушек, мужчин, —
и нас скорее обними!
Ты золотую даришь жизнь,

Ты стало осью жизни всей,
Не уходи, сыграй скорей
На лире пламенной своей
И хоть немножко опоздай,
чтоб снова нас поцеловать!
Пока не выплыла луна,
Холодный свет не разлила,
Верши прекрасные дела,
Чтоб радость ясная цвела,
Наполни жизнью всё кругом
и нас, о солнышко, и нас!
(1907)

ВЕЧЕРНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Барышне Нардик

Иметь надежду исчезать по вечерам,
Идти задумчиво чуть видною тропой,
Отбросить скуку чешуей змеи к ногам,
Успокоенье отыскать душе больной.
Больную душу в свет закутать, как в платок,
И песни рек и ночи сестрами считать,
И слушать ветер, что поет про даль дорог,
В уединении усладу отыскать.
Быть другом поля и входить в плодовый сад
Так, словно каждый этой встрече будет рад,
Лесному духу позволять себя нести
На легких крыльях в царство вечной тишины,
Где все деревья мне как братья быть должны,

Во все цветы легко влюбляться по пути,
Иметь надежду исчезать по вечерам.
1907

МОЙ ВЕЧЕР

Поэту Ваграму Татулу

Мой вечер добр, душист и щедр, он стал дорогой
золотой,
Соединяя день и ночь, он перекинулся мостом.
С тоскою света жду опять я под тяжелою листвою,
Закат шафрановый горит благоухающим цветком.
Богами налитый нектар собрали пчелы из цветов,
И лучезарным полотном сквозь листья плавится закат,
И, словно кружевной узор, переплетения кустов
По золотому полотну, по солнцу яркому скользят.
Зефир как будто поцелуй из самых нежных детских дней.
Как друга тайные слова воды журчащая струя.
И ветер девочкой приник, разнежась на душе моей,
Фонтан сверкает, будто он нарциссов желтая семья,
А может быть, слеза в глазах левкоев, выросших вокруг,
Он услаждает их покой, — так брызги светлые легки,
И вот касаются слегка протянутых к закату рук
Дары волшебников лесных — цветов душистых лепестки.
В тумане ткани голубой проходит дева предо мной,
Прекрасны волосы ее, молочно-розов нежный лик,
Она — виденье, луч, цветок с ее красою неземной...
О боже, для моей души восторг невысказанно велик!

(1907)

ЛУНЕ-СЕСТРИЧКЕ

1

Вчерашней ночью ты, луна,
Вчерашней ночью ты забыла,
Мое окошечко забыла вчерашней ночью
осветить,
И темнота висела в нем,
Как плотный занавес, — так было
Темно, но бодрствовал во тьме
Цветок любви и обожанья,
Не увядая в темноте
Дремотной — света не затмить.
Вчерашней! ночью ты, луна,
Смущаясь, мимо проходила,
И я шептал тебе вослед
Среди полночной тишины:
«О, не забыла пышный сад
И виноградник не забыла,
Сияньем все напоены».
И посмотрел я на сирень,
На голубую, — не забыла
Ты протянуть из темноты
Ей ручку белую свою
И не забыла дымоход

Соседний — всё посеребрила,
И отдаленную тропу,
И ту, что тянется к жилью...
Так! И сегодня, если куст
В тебе нуждается сильнее,
Нем я, и травы, и цветы, —
Пусть буду я тобой забыт, —
На крыльях радужной мечты
Я доберусь к тебе скорее,
Чем все, кто тянется к тебе,
Сквозь мрак пробиться не умея, —
Я дотянусь,
Хотя б твой лик
Был дымкой облачной прикрыт.
К тебе, к тебе я дотянусь,
Коснусь тебя, сестра-богиня,
И если даже в уголке
Моей души последний луч,
Из тех лучей,
Что собирал ночами лунными, сквозными,
Погаснет,
Всё равно — прорвусь
Сквозь толщу самых темных туч!

2

Ах, ночью нынешней, луна,
Опять обласкан я тобою,
Мне в душу бабочкой ночной
Впорхнул твой животворный свет,

Ты выше радуги ко мне
Явилась синей, голубою,
И в сердце песня ожила,
Я вспомнил имя
И тропюю
Забытой вновь пошел туда,
Где давних дней
Утерян след.
И на развалинах души,
Как из расщелин в древних стенах,
Цветы волшебные взошли.
Ах, ночью нынешней опять,
Луна, пронизан я тобой,
И мрак растаял постепенно.
О, как ты ласкова, луна,
Как золотиста эта прядь!
Скользнув по темному окну,
Ты прикоснулась к занавеске,
Латунь подсвечника нашла,
Лампаду в зеркале зажгла.
Как сладко нежилась моя
Душа в твоём лазурном блеске.
Прости, прости,
Что миг спустя
Я свет, зажег движеньем резким.
Я не забуду, как со мной
Нежна была ты и светла!..
(1907)

